

Как уходят клоуны

Колл. правд. — 1991. — 23 апр

28 апреля исполнилось бы 50 лет актрисе театра и цирка Ирине Асмус. Миллионы зрителей знали ее по псевдониму Ириска. И дети, и взрослые запомнили маленькую, забавную, в желтой клоунской кепчонке с красным бантом телеведущую «АБВГДейки» на ЦТ...

Ей не суждено было собраться: пять лет назад, весенним днем, во время представления в Гомельском цирке, она, как обычно, в своей любимой репризе «Абажур» приготовилась спуститься из-под купола во вращении вниз головой. Какой-то несчастный болт вылетел из машинки-крутки, и — трагедия...

Клоун — не профессия. Редкая судьба. Хороший клоун — судьба редкостная. Знатки цирка утверждают, что такие, скажем, как Ю. Никулин или Л. Енгибаров, рождаются раз в сто лет. Еще говорят: клоун — тяжелая мужская профессия.

Ирина Асмус была и остается первой нашей соло-клоунессой. Пока — единственной. Само слово «клоунесса» появилось в цирке вместе с ней. Есть женщины-клоуны на эстраде. Есть и в цирке, но выступают они в паре с мужчинами.

Ириска выступала одна. И, главное, — со сложными трюками, на которые не всякий бывалый циркач отважится. К чему? Клоунов еще называют «коверными». Ну и работай себе у ковра, можно наверх не лезть.

Она же любила повторять: у каждого должен быть какой-нибудь свой «Абажур»...

Началось с того, что легкая и гибкая девочка предпочла цирковое училище хореографическому. Мечтала стать воздушной гимнасткой.

Всего было два падения. После первого, давнего, с тяжелой травмой, пришлось покинуть цирк на целых пятнадцать лет.

Затем легендарное теперь уже тюзовское студийное братство, в которое она так чудно вписалась на рубеже 60-х. Ленинградский ТЮЗ тогда был событием и приметой времени,

стилем жизни. Конек-Горбун, Мальвина, Чиполлино, Незнайка, Снегурочка, Золушка, Джульетта... Позже Ленинградский театр им. В. Ф. Комиссаржевской, где она встретила свою и только свою трагическую Сонечку Мармеладову.

Многие и сейчас не понимают, не принимают уход Ирины из театра.

Цирк был для нее спасением от напастей и неблагоприятий, отчаяний и разочарований жизни. Вне манежа она была хрупкой женщиной-девочкой с непрочными «тылами». Но когда маленькая Ириска с торчащей из-под кепки задорной косичкой входила в колдовской круг манежа, она легко и просто до мудрости доказывала себе и всем: препятствия внутри и вокруг нас преодолеть можно, можно, можно!

Ну нет партнера — потанцуй хотя бы с... метлой! Ну погасли мощные жаркие прожектора — раздуй свет из маленькой свечи. Ну делай, делай что-нибудь! А после — пройдишь «колесом», улыбнись загадочно и победительно в многозначном цирковом «комплименте» (как на этом фото, одном из последних)...

Новую Ирискину программу, ту, что — свидетельствую — тяжело и мучительно репетировала она на ленин-

градском манеже, земляки так и не увидели. Она ездила с ней по многим городам. «А когда же в Ленинграде?» — как-то спросила я. «Вы все такие — спрашиваете только, а надо идти к директору, идти и просить! — защелбала она. — Ходите и просите за меня, просите!».

Выходила той, последней, осенью из Ленинградского цирка погулять с «ребятишками» — карликовой козочкой Ингой, псом Тишкой — и как не заглянуть в родной театр «Комиссаржевку»? Засиживалась допоздна в соседнем с цирком Доме радио — захлебываясь, рассказывала и показывала новый номер, прыгала со стола...

...Из нас, из жизни, из театра — зеркала нашей жизни — уходит то, что так нам нужно: простодушие, раскованность, веселье, наивность. В цирке это живо, этим и вечно жив цирк, иначе он должен называться как-то иначе. И если вспомнить многих великих мира сего, признававшихся, что сбоят цирк, поскольку простые зрелища и увлечения — последнее пристанище их измученных, запутавшихся душ, то почему бы и нам, ей-богу, не ходить чаще, чем на митинги, в этот Храм добра и радости?

Е. ЮГИНА.

Ленинград.